

РОССИЯ И ПРУССИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX века

Кудрявцева Елена Петровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: demetr22@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена русско-прусским политическим отношениям во второй четверти XIX в. Связи русского и прусского дворов исторически были наиболее тесными с эпохи Петра Великого, а во время царствования Николая I взаимоотношения Романовых и Гогенцоллернов отличались наибольшей близостью. В период правления Николая I Россия и Пруссия были связаны союзническими отношениями в рамках существовавшего с 1815 г. Священного союза. Войдя после Венского конгресса в число «великих держав» благодаря своему вооружению и численности армии, Пруссия в то же время была слабейшей из «великих». С Австрией и Россией Пруссию связывали тесные узы приверженности принципам Священного союза и монархическая солидарность правящих суверенов. Не являясь активным игроком на европейской арене, Пруссия, как правило, шла в фарватере политических инициатив Российской империи. После завершения русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Пруссия слыла преданным другом Петербурга. Пруссии удавалось сохранять благожелательный нейтралитет даже при обстоятельствах, когда другие европейские державы громко выражали свои протесты против русских военных инициатив. Среди сложившегося «тройственного» согласия «северных» дворов — России, Австрии и Пруссии — последняя была наиболее слабым звеном в достаточно устойчивом союзе трех монархических государств. Пруссия предпочитала вести свою внешнюю политику, опираясь на российский двор, что позволяло ей быть менее зависимой от своей соперницы по лидирующему положению в Германском союзе — Австрии. Однако это не означало отсутствия у прусского правительства своих планов и предпочтений в международной политике, что со всей очевидностью проявилось в 1840-х годах и привело к полной изоляции России, к началу Крымской войны.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, австро-пруссские противоречия, Германский союз.

Ye. P. Kudryavtseva

Russia and Prussia during the reign of Nicholas I

Elena Koudryavtseva, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: demetr22@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Russian-Prussian political relationships in the second quarter of the 19th century. The ties between the Russian and Prussian courts had historically been very close since the era of Peter the Great as well as were those between the Romanovs and the Hohenzollerns during the reign of Nicholas I. In the course of the latter, Russia and Prussia were bounded by allied relations within the framework of the Holy Alliance that existed since 1815. Having joined the circle of «great powers» due to its weapons and sizable army, Prussia at the same time was the weakest of the «great». Prussia was closely bound up with Austria and Russia due to the ties of commitment to the principles of the Holy Alliance and the monarchical solidarity of the ruling sovereigns. Not being an active player on the European arena, Prussia

basically followed the path of political initiatives of the Russian Empire. After the end of the Russian-Turkish war of 1828–1829, Prussia was known as a devoted friend of St. — Petersburg. Prussia managed to maintain benevolent neutrality even in the light of the full-scale protest of the European against Russian military initiatives.

Among the “northern” courts, that established the “threefold” concord, — Russia, Austria and Prussia — the latter was the weakest link in a fairly stable union of the three monarchies. Prussia preferred to conduct its foreign policy relying on the Russian court, that allowed it to be less dependent on Austria, with which Prussia competed within the German Confederation. However, this did not mean that the Prussian government lacked its plans and preferences in international politics, which clearly manifested itself in the 1840s and led to the complete isolation of Russia in the beginning of the Crimean War.

Keywords: international relations, foreign policy, Prussian-Austrian rivalry, German Confederation.

Отношениям России и прусского королевского дома уделялось на редкость мало внимания в зарубежных и отечественных исследованиях, посвященных международным отношениям эпохи Николая I. На этот факт обращал внимание еще известный русский историк С. С. Татищев в 80-х годах XIX в., и надо признать, что положение мало изменилось за истекший век¹. Прежде всего следует отметить, что связи русского и прусского дворов исторически были наиболее тесными с эпохи Петра Великого, а во время царствования Николая I взаимоотношения Романовых и Гогенцоллернов отличались наибольшей близостью. Супруга русского императора Александра Федоровна оставалась в России прусской принцессой Шарлоттой; весь Берлин называл Николая I «наш зять», а прусский король Фридрих-Вильгельм III был для российского императора не только тестем, но и «отцом». Многочисленные визиты Николая I в Берлин носили, скорее, семейный, чем политический характер. Фридрих-Вильгельм III построил для зятя небольшой бревенчатый дом на берегу озера Гафель под Потсдамом, его называли «Никольским». Близкими были отношения российского двора и с другими немецкими княжествами — две дочери Николая I, Мария и Ольга, были замужем одна за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, а другая в 1846 г. венчалась с наследным принцем, а затем королем Карлом Вюртембергским. Умершая в 1844 г. великая княжна Александра была женой Фридриха Вильгельма, ландграфа Гессен-Кассельского. В целом, династия Романовых исторически была связана тесными родственными узами со многими немецкими владетельными домами Европы².

В исторической литературе сложилось мнение, что среди прочих европейских держав Пруссия находилась под наибольшим влиянием российской политики, поддерживая или, по крайней мере, не препятствуя всем внешнеполитическим шагам русского двора. Действительно, Пруссии удавалось сохранять благожелательный нейтралитет даже при обострениях, когда другие европейские державы громко выражали свои протесты против русских военных инициатив. Однако означало ли это молчание берлинского двора полную поддержку всех внешнеполитических шагов своего союзника? Или же российский император рисковал столкнуться с противодействием Пруссии не только политическим, но и военным?

Среди сложившегося «тройственного» согласия «северных» дворов — России, Австрии и Пруссии — последняя была наиболее слабым звеном в достаточно устойчивом союзе трех монархических государств. Пруссия предпочитала вести свою внешнюю

¹ Татищев С. С. Император Николай I и прусский двор. — Исторический вестник, 1882, № 2, с. 349.

² Заиченко Д. В. Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материалах либеральной публицистики). — Россия и Германия, вып. 2. М., 2001, с. 34.

политику, опираясь на российский двор, что позволяло ей быть менее зависимой от Австрии. Казалось, ее голоса не было слышно в громких звуках «европейского концерта». Однако молчаливая выдержанность Пруссии вовсе не означала отсутствие своих интересов и мнения, которые достаточно долгое время не проявлялись в европейской политике со всей очевидностью.

ЭПОХА СОГЛАСИЯ

По воцарении Николая I в германские государства был послан П. И. Полетика, чтобы оповестить немецкие дворы о новом российском императоре. В специальной «записке», предназначенной главе МИД К. В. Нессельроде Полетика делился своими наблюдениями: «Во всех частях Германии все взоры обращены на Россию»³. Новость была воспринята с воодушевлением: Пруссия дружелюбна и рада, что ее принцесса заняла престол, Вюртемберг враждебен Австрии и хотел бы иметь российского представителя на своей территории, Бавария также настроена против Австрии и надеется на дружеские отношения с Россией.

После завершения русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Пруссия слыла преданным другом Петербурга, так как поддержала требования к Порте, выдвинутые русской стороной. Берлинское правительство пеклось о союзном единстве держав и ревностно отслеживало самостоятельные внешнеполитические инициативы России. На Лондонской конференции 1827 г., решавшей судьбу Греции, берлинский кабинет настаивал на соблюдении принципа «солидарности». Король усматривал в русско-английской конференции «начало кризиса союза»⁴. Летом 1829 г. Николай в очередной раз посетил Берлин, после чего в Константинополь из Пруссии был направлен полковник Генерального штаба барон К. фон Мюфлинг, который способствовал успеху русско-турецких мирных переговоров. Прусский министр иностранных дел граф К. Г. Бернсторф воспринял этот визит царя как повод для Пруссии принять на себя роль миротворца в Восточном вопросе. Доверительные отношения складывались у русского императора и с прусским посланником в Петербурге генералом Роховым, злые языки называли его «куртизаном царя» за близость к Николаю I. По словам саксонского дипломата при петербургском дворе Ф. фон Экштедта, этот прусский генерал пользовался полным доверием императора. Рохов, «добродушный, прямой, хотя и не важный в государственном смысле, так сжился с мыслями императора, что тот любил болтать с ним, часто думая вслух при нем и больше доверял ему, чем собственным министрам»⁵. Со своей стороны, Николаю I импонировал корпоративный профессиональный дух, присущий высшей бюрократии Пруссии. Россия приблизилась к прусским стандартам по образованию и уровню профессиональной компетенции уже в постниколаевскую эпоху. Но в обеих странах бюрократия не только выполняла административные функции, но и управляла государством⁶. Культ военных существовал и в Берлине, и в Петербурге. В путеводителе по Берлину Дж. Марри, изданном в 1840-х годах, говорилось: «Мундир, в особенности если это русский мундир, до определенной степени служит пропуском в наиболее привилегированные круги прусской столицы»⁷.

³ П. И. Полетика К. В. Нессельроде, 20 марта (1 апреля) 1826 г. — Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы министерства иностранных дел России, т. VI (XIV). М., 1985, с. 448.

⁴ Посланник в Берлине Д. М. Алопеус вице-канцлеру К. В. Нессельроде, 12(24) мая 1827 г. — Там же, т. VII (XV). М., 1992, с. 115.

⁵ Трачевский А. С. Пруссия в Крымскую войну. — Исторический вестник, 1888, № 5, с. 340.

⁶ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000, с. 264.

⁷ Цит. по: там же, с. 175.

Среди многочисленных немецких княжеств Пруссия стремилась занять лидирующие позиции. Войдя после Венского конгресса в число «великих держав» благодаря своему вооружению и численности армии, Пруссия в то же время была слабейшей из «великих». С Австрией и Россией Пруссию связывали тесные узы приверженности принципам Священного союза и монархическая солидарность правящих суверенов. Однако прусский двор находился в затяжном конфликте с австрийским императором за первенство в Германском союзе. Поскольку позиция Пруссии в этом вопросе была слабой, она стремилась заручиться поддержкой России, последняя, в свою очередь, не спешила ее оказывать, не будучи заинтересованной в чрезмерном укреплении Пруссии. Симпатии русского императора принадлежали, скорее, венскому двору. И это был лишь один из многочисленных вопросов, по которым в северном «триумвирате» не было однозначного мнения и безусловного единства.

Революционные волнения начала 1830-х годов сблизили позиции трех держав. Русский и прусский дворы были «едины в своих намерениях и действиях» по отношению к событиям во Франции, и между тремя державами (включая Австрию) «установилось счастливое согласие во взглядах»⁸. Первые признаки особой позиции Пруссии стали видны уже вскоре после начала революционного кризиса. 22 сентября 1830 г. Бернсторф вручил российскому представителю ноту, в которой излагалась точка зрения берлинского двора на отношения с новым французским правительством: в ноте порицалась «непримиримость» российского двора, не признававшего Луи-Филиппа легитимным королем, что нарушало согласие между союзниками⁹.

Существовали и другие разногласия. С особым вниманием союзники отнеслись к событиям в Польше. Все участники ее прошлых разделов были заинтересованы в скорейшем подавлении восстания, поэтому позиции Австрии и Пруссии в польском вопросе резко отличались от либеральных взглядов на события в Польше правительств Англии и Франции. Фридрих-Вильгельм III выразил надежду на «скорый и полный успех» принимаемых Николаем I мер по подавлению польского восстания, заявив, что «жизненные интересы всей Европы связаны с вопросом, решаемым на берегах Вислы»¹⁰. Одновременно прусский король отказался выдавать польских беженцев, переходивших прусскую границу, и сообщил Николаю I далеко не все донесения своего консула в Варшаве Шмидта¹¹. О том, что беглые поляки пользовались покровительством баварского короля, сообщал в российский МИД представитель России в Штутгарте П. К. Мейендорф¹². Зато прусский министр снабжал Петербург перлюстрированными донесениями французского консула в Варшаве Дюрана, степень информированности которого была высоко оценена российским посланником в Берлине Д. М. Алопеусом¹³.

Российский МИД попытался напомнить прусскому правительству о совместной конвенции от 17(29) марта 1830 г., в ней говорилось о взаимной выдаче дезертиров

⁸ Временно управляющий министерством иностранных дел Х. А. Ливен посланнику в Берлине Д. М. Алопеусу, 13(25) августа 1830 г. — *Внешняя политика России...*, т. XVII. М., 2005, с. 55.

⁹ Вице-канцлер К. В. Нессельроде посланнику в Берлине Д. М. Алопеусу, 29 октября (10 ноября) 1830 г. — Там же, с. 149.

¹⁰ Вице-канцлер К. В. Нессельроде посланнику в Берлине Д. М. Алопеусу, 27 декабря 1830 г. (8 января 1831 г.). — Там же, с. 230.

¹¹ *Пичета В. И.* Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг. — *Ученые записки института славяноведения*, т. III. М., 1951, с. 155.

¹² П. К. Мейендорф К. В. Нессельроде, 22 марта (3 апреля) 1833 г. — Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 573. Личный фонд Мейендорфа, оп. 1, д. 524, л. 28—29.

¹³ *Пичета В. И.* Указ. соч., с. 160.

и преступников, а также лиц, обвиняемых в политических преступлениях¹⁴. По мнению российского императора, «если прусское правительство примет энергичные меры для задержания этих лиц в момент их перехода на территорию Пруссии», оно окажет России ту услугу, которая вытекает из заключенной конвенции¹⁵. 6 августа 1831 г. поверенный в делах в Берлине Ф. П. Мальтиц направил государственному секретарю Пруссии ноту, в которой речь шла о выдаче российской стороне снаряжения, артиллерии и лошадей, а также всего личного состава оказавшихся в прусских владениях польских корпусов. Однако из объяснения прусского министра иностранных дел Ф. Ансильона, сменившего Бернсторфа в 1831 г., следовало, что выполнить требование русской стороны берлинский кабинет не может, поскольку командующему сдавшимся полякам были даны обещания прямо противоположного рода. Будучи не в состоянии принудить поляков сдаться, прусские власти обязались не выдавать их российской стороне¹⁶.

Одновременно посол Франции в Берлине с энтузиазмом взялся помогать полякам переместиться во Францию. Несмотря на то, что согласно «Манифесту» российского императора от 20 октября 1831 г. восставшим полякам было даровано «совершенное прощение», некоторые офицеры побуждали подчиненных эмигрировать во Францию, и число желающих уехать постоянно возрастало¹⁷. В это время Россия получила желаемую поддержку прусского двора — его представитель в Париже барон Вернер имел указания поддерживать перед французским правительством все представления русского посла К. О. Поццо ди Борго не допускать оказания вооруженной помощи полякам. В самом Берлине Бернсторф заявил французскому дипломату, который завел речь о помощи полякам: «Мы действуем так как по взглядам и чувствам, которые соединяют нас с Россией, так и по соображениям наших собственных интересов»¹⁸. Поддержка Пруссии простиралась вплоть до того, что она держала значительные войска в Познани и на Рейне, где не прекращались волнения, что полностью отвечало русским интересам. Кроме того, Пруссия оказывала русской армии материальную помощь при штурме и взятии Варшавы.

В целом, у прусского короля Фридриха Вильгельма III сложилось убеждение, что ему следует поддерживать одинаково хорошие отношения как с Россией, так и с Австрией. «Главное — писал он наследнику, — чтобы Пруссия, Россия и Австрия никогда не разъединились»¹⁹. Российский император, в свою очередь, не сомневался в поддержке Пруссии, которая с такой готовностью продемонстрировала ее в польском деле. Это, впрочем, не значило, что у Николая I не было собственных расчетов в европейской расстановке сил, где Пруссии определялось ее место, удобное прежде всего для российского самодержца. А главным стремлением российского императора было иметь Пруссию в союзниках, не давая ей в то же время чрезмерно усилиться и встать во главе Германского союза.

В 1831 г. в Берлин был отправлен посланником А. И. Рибопьер, бывший до этого времени российским представителем в турецкой столице. В раннем детстве маленький

¹⁴ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. VIII. СПб., 1888, с. 126–145.

¹⁵ Вице-канцлер К. В. Нессельроде посланнику в Берлине Д. М. Алопеусу, 9(21) марта 1831 г. — Внешняя политика России..., т. XVII, с. 289.

¹⁶ Поверенный в делах в Берлине Ф. П. Мальтиц вице-канцлеру К. В. Нессельроде, 13(25) августа 1831 г. — Там же, с. 445.

¹⁷ Вице-канцлер К. В. Нессельроде поверенному в делах Ф. П. Мальтицу, 7(19) декабря 1831 г. — Там же, с. 630.

¹⁸ Цит. по: *Пичета В. И.* Указ. соч., с. 172.

¹⁹ Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай I..., с. 622.

Саша сиживал на коленях императрицы Екатерины II и, воспитанный в непосредственной близости от престола, на всю жизнь сохранил воспоминания о роскоши русского двора конца XVIII в. Еще будучи посланником в Константинополе Рибопьер снискал славу опытного дипломата, умевшего найти подход к турецким сановникам и самому султану — его богатые приемы на босфорской даче российского посольства привлекали внимание всего дипломатического корпуса в турецкой столице. Сам Махмуд II приезжал инкогнито посмотреть на фейерверк, дававшийся в Буюк-дере на празднике у Рибопьера, а затем занимал у него столовое серебро для того, чтобы устроить свой прием на европейский манер.

После Адрианопольского мира 1829 г. Рибопьер в Константинополь не вернулся — его заменили на посту посланника сначала А. Ф. Орлов, а затем А. П. Бутенев. В 1831 г. Александр Иванович был назначен посланником при прусском и мекленбургском дворах — в место более спокойное и предсказуемое по сравнению с турецкой столицей, где умение нравиться султану было не первым требованием, предъявляемым к российскому представителю. На прощальной аудиенции перед отъездом в Берлин Николай I напутствовал Рибопьера такими словами: «Считайте себя поверенным лицом не только при короле прусском, но доверенным при моем тесте». Берлин считался комфортным местом службы для российских дипломатов. Здесь Рибопьер был как нельзя кстати: Николай I часто навещал своих прусских родственников и Александр Иванович был всецело занят приемом высоких гостей и устройством торжеств и балов. Так, по его воспоминаниям, в один из визитов в его берлинском доме проживали князь А. Ф. Орлов, К. В. Нессельроде со свитой, А. Х. Бенкендорф со свитой, князь Трубецкой и кузина Потемкина. Приемы устраивались на 400 персон: первый стол накрывался на 50 кувертов для королей и царственных особ, второй — на 60 для дипломатического корпуса и еще 250 кувертов были накрыты в разных комнатах для остального общества²⁰.

При Рибопьере российская миссия сначала занимала дом на Вильгельмштрассе, но в 1837 г. Николай I купил за 93 тыс. талеров у герцогини Саган обширный трехэтажный дом, выходящий на Унтер ден Линден, 7 длинным фасадом в 13 окон²¹. На его ремонт Рибопьер получил 46 тыс. 275 руб. ассигнациями, или 14 тыс. 114 прусских талеров²². В нижнем этаже дома размещалась посольская домовая церковь во имя Святого Равноапостольного великого князя Владимира, «не имевшая ни креста, ни звона» и по внешнему виду ничем не отличающаяся от прочих жилых и служебных помещений²³. Церковь вмещала не более 150 человек; но в праздничные и даже в воскресные дни желающих посетить службу было намного больше. Позже, когда Рибопьера в Берлине сменил Мейендорф, дом посольства подвергся реконструкции. Его перестройка была поручена архитектору Кноблоху, а меблировка — негоцианту Ф. Гропиусу. Новые вещи выписывались из Лондона и Парижа²⁴. За 7 тыс. руб. серебром были заказаны три зеркальных стекла на императорском стеклянном заводе в Петербурге; обои и люстры были закуплены в Париже и Мюнхене. Комнаты оформлялись занавесями «цвету Египетской земли», на камине поместились

²⁰ Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. — Русский архив, 1877, № 5, с. 34.

²¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), ф. Планы и фото, оп. 911, д. 8, л. 6.

²² Там же, ф. Санкт-Петербургский главный архив (далее — СПбГА), оп. 162 IV-18, д. 1 (1839), л. 37.

²³ Мальцев А. П. Православные церкви и русские учреждения за границей, ч. 1. Берлин, 1911, с. 6.

²⁴ П. К. Мейендорф К. В. Нессельроде, 7(19) марта 1840 г. — АВПРИ, ф. СПб ГА, оп. 162 IV-18, д. 1 (1839), л. 72.

часы «с изображением судьбы». Предполагалось, кроме других переделок, устроить на третьем этаже посольскую церковь. Это предложение было отклонено в видах экономии, и церковь осталась на первом этаже посольства. Этот ремонт обошелся в 87 332 талера, кроме того, за 25 700 талеров была проведена новая меблировка всех комнат. В отличие от других посольских домов России в европейских странах берлинский дом имел некоторые особенности: в нем размещались специальные покои для многочисленных царственных гостей и родственников из Петербурга, которые регулярно посещали Пруссию. Особые комнаты, включая голубую гостиную, назначались для дочери Фридриха Вильгельма III — российской императрицы Александры Федоровны. Учитывались и особенности пребывания высоких гостей в Пруссии: в доме планировалось разместить комнату для егеря и музей²⁵. Ежегодно на содержание дома берлинской миссии департаментом личного состава и хозяйственных дел выделялось по 3500 руб. серебром — деньги шли на отопление, освещение, содержание швейцара, дворника, а также «на могущие быть починки»²⁶.

На «эпоху Рибопьера» в Берлине выпали важные внешнеполитические решения, принятые представителями трех монархических дворов. В 1833 г. состоялось свидание русского императора, прусского короля и австрийского императора, а также заключено Мюнхенгрецкое соглашение между тремя «северными дворами». Несмотря на кажущийся успех всего предприятия, сам ход переговоров и встреч шел не так гладко, как рассчитывал Николай I. Заключение договора было направлено на то, чтобы, по словам М. Н. Покровского, «подновить» Священный союз²⁷. И первая скрипка в инициативе принятия подобного документа принадлежала К. фон Меттерниху, не менее российского императора озабоченного революционным «пожаром» в Европе. Именно австрийский канцлер вознамерился приобщить Россию и Пруссию к «великому делу контрреволюции»²⁸. Главы трех дворов должны были встретиться в Теплице, куда Фридрих Вильгельм III прибыл в сопровождении Бернсторфа и Ансильона. Однако Николай I задержался из-за бури на Балтике, и прусский король покинул Теплиц, оставив вместо себя наследника, который и участвовал во всех последующих заседаниях в сентябре 1833 г.

Таким образом, в Мюнхенгреце переговоры шли между российским и австрийским императорами, в то время как прусский король устранился от встреч. Правда, по пути в Мюнхенгрец Николай I заехал к тестю в Шведт и вполне понял нежелание Фридрих-Вильгельма III вести политические дискуссии, хотя тот и сослался на необходимость ехать на маневры — причину, по мнению российского императора, вполне уважительную. Ансильон также отказался ехать в Мюнхенгрец, что выглядело уже чуть ли не бойкотом. Прусскому двору не нравилась мысль о необходимости заключать новые обязательства, поскольку, по мнению прусских министров, для поддержания союзнических отношений трех монархов вполне хватало и старых.

Согласно первой и второй статьям Мюнхенгрецкой конвенции Россия и Австрия соглашались «поддерживать существование Османской империи», а также противостоять «общими силами всякой комбинации, которая наносила бы ущерб верховной власти в Турции»²⁹. В тайных статьях говорилось о том, что оба императорских

²⁵ П. К. Мейендорф в Департамент хозяйственных и счетных дел, 18 ноября 1842 г. — Там же, л. 395.

²⁶ О сумме на годовое содержание дома Берлинской миссии нашей. — Там же, ф. Дела личного состава и хозяйственные дела (далее — ДЛС и ХД), оп. 749/1, д. 1519 (1841), л. 9.

²⁷ Покровский М. Н. Из истории русско-германских отношений. — Голос минувшего, 1916, № 3, с. 8.

²⁸ Дебидур А. Дипломатическая история Европы, т. 1. М., 1947, с. 345.

²⁹ Мартенс. Ф. Ф. Указ. соч., т. IV. СПб., 1878, с. 446.

двора будут действовать «только в согласии и в духе совершенной солидарности», если катаклизмы в Турции приведут к сокрушению старого порядка³⁰. Тема Турции возникла в связи с тем, что накануне между Россией и Османской империей был заключен Ункяр-Искелесийский договор, по которому русский флот получил возможность приходить на помощь турецкому в случае войны Порты с третьими странами. Известно, что договор был воспринят европейскими державами чуть ли не как установление русского протектората на Босфоре. Англия и Франция требовали немедленной отмены договора, чему воспротивилась даже Турция, сочтя эти требования вмешательством в свои внутренние дела. Теперь же Россия хотела получить одобрение своей турецкой политики со стороны Австрии и Пруссии. Но эти державы отнеслись к такому повороту дел по-разному: австрийское руководство с энтузиазмом восприняло свое вовлечение в турецкие дела, а прусское, напротив, не хотело участвовать в них, поскольку не намеревалось воевать на Востоке. Согласие между Россией и Австрией в Восточном вопросе было очевидным, а Меттерних даже льстиво заявил, что теперь он является министром Николая I³¹. Правда, до этого победы России на Востоке казались австрийскому министру «чужовищными», и теперь он, хотя и косвенно, сумел приобщить Австрию к решению важнейших европейских проблем, связанных с Турцией. Если Николай I рассчитывал привлечь Австрию на свою сторону, то Меттерних при этом вел собственную игру. Позже он вспоминал, что при попытке русского императора прозондировать взгляды австрийского правительства на ситуацию с Турцией, австрийский политик попытался уточнить, в качестве врача или наследника к нему обращаются с этими вопросами? Этого было достаточно, чтобы разговоры о «большом человеке» в частных беседах больше не поднимались³².

Решения Мюнхенгрецкой конвенции относительно восточного направления европейской политики можно рассматривать как уступку «права первенства» России в турецких делах и как определенное «подкрепление» уже достигнутых русско-турецких договоренностей со стороны третьих стран. Именно эти две оценки преобладают в работах отечественных историков, исследовавших международные отношения николаевской эпохи³³. С одной стороны, это отступление России от принципа невмешательства европейских держав в русско-турецкие отношения, ранее подлежавшие регулированию исключительно Портой и Петербургом; с другой — некая гарантия поддержки России союзными дворами в связи с возможным выступлением «морских держав», срыв австро-английского сближения, подготавливаемого Г. Дж. Пальмерстоном против восточной политики России.

Кроме Восточного вопроса конвенция закрепляла право держав оказывать друг другу помощь для подавления польских повстанцев. В ходе переговоров в Берлине, которые последовали сразу после Мюнхенгреца 3(15) октября 1833 г., обсуждалась возможность вмешательства держав во внутренние дела союзников «во время внутренних смут», а также при внешней опасности³⁴. Против этой статьи возражала Пруссия, и, чтобы облегчить ей решение по присоединению к акту, было установлено, что данная конвенция будет иметь тайный характер. Берлинскую конвенцию подписали австрийский посол в Петербурге К. Л. Фикельмон, прусский министр иностранных

³⁰ Там же, с. 448.

³¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование, т. 2. СПб., 1903, с. 677.

³² История дипломатии, т. 1. М., 1947, с. 420; *Bertier de Sauvigny G.* Metternich. Staatsmann und diplomat im Zeitalter der Restauration. München, 1996, S. 466.

³³ Киняпина Н. С. Мюнхенгрецкие и Берлинские конвенции 1833 г. — Научные доклады высшей школы, 1960, № 1, с. 81; Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985, с. 130.

³⁴ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч., т. VIII, с. 461.

дел Ф. Ансильон и вице-канцлер К. В. Нессельроде. Стилистика и смысл статей, подразумевавших возможность каждого из государей призвать на помощь своих союзников и отвергавших принцип невмешательства, заставляли вспомнить времена первых конгрессов Священного союза. По словам Н. К. Шильдера, «кабинеты венский и петербургский совершенно соединились в своей охранительной политике»³⁵. Поскольку сама идея Мюнхенгрецкой встречи принадлежала Меттерниху, можно с уверенностью сказать, что его инициатива увенчалась успехом, и потерявший было жизненный тонус Священный союз был подновлен, получив новые стимулы к действию.

Само приглашение Пруссии на Мюнхенгрецкую встречу и ее участие в заключенном договоре было инициативой австрийского канцлера, отчетливо видевшего стремление прусского правительства ускользнуть от общих обязательств. Особая позиция берлинского двора была связана с растущей ролью Пруссии среди немецких государств после создания в 1834 г. германского Таможенного союза (Цоллферейна). Этот договор объединял первоначально девять государств, затем к нему присоединились еще два десятка немецких княжеств. Он устанавливал единые ввозные пошлины, свободу внутренней торговли и общность таможенных доходов внутри Германского союза³⁶. Договор обеспечил процветание торговли, рост доходов, усиление роли буржуазии в государстве, возрастание экономической мощи в целом и, следовательно, общее укрепление лидирующей роли Пруссии в делящемся споре с Австрией за главенство в Германском союзе. Россия с неодобрением отнеслась к созданию Таможенного союза, заявив, что по-прежнему хочет иметь торговлю только с Пруссией. Русские запретительные пошлины наносили ущерб прусской промышленности, русско-прусские торговые отношения испытывали кризис.

«СТАРОЙ ПРУССИИ НЕТ»

На протяжении 1830-х годов Николай I усиленно демонстрировал политическое единство с Пруссией, подкрепляя его совместными военными маневрами. В 1834 г. российский император снова посетил Берлин, в 1835 г. состоялось военное торжество в лагере под Калишем, должнствующее продемонстрировать Европе единение военных сил союзников. Позже императоры съехались в Теплице для открытия памятника в честь событий на Кульмском поле. В 1838 г. Николай I вновь присутствовал на маневрах в Берлине, а немецкие принцы — на маневрах в Херсонской губернии. Эта демонстрация единения «северных дворов» вызывала опасения в Париже и Лондоне. На первый взгляд, частые свидания монархов слишком напоминали эпоху конгрессов, последовавшую за решениями Вены и выработавшую основные принципы взаимодействия держав — членов Священного союза.

Однако на самом деле прежнего единения достичь не удалось. Прежде всего в самой Пруссии далеко не все политические круги были очарованы столь явно выраженной дружбой с Россией. В 1840 г. скончался Фридрих Вильгельм III, ему на смену пришел его сын, Фридрих-Вильгельм IV. Первым визитом нового суверена была поездка к Николаю I в Варшаву. Будучи наследным принцем, он подолгу жил в Петербурге у своей сестры — российской императрицы и, казалось бы, вполне впитал в себя как обстановку русского двора, так и общие принципы союзной политики двух государств. Злые языки даже называли Пруссию «русским пашалыком»³⁷. Однако экономический подъем внутри Германского союза, ведший к росту торгово-промышленной буржуазии, которая выдвигала свои требования по участию в представительных

³⁵ Шильдер Н. К. Указ. соч., с. 677.

³⁶ Дебидур А. Указ. соч., с. 337.

³⁷ Россия и Германия в XIX веке. — Русская старина, 1898, № 7, с. 18.

органах власти, а также многолетняя практика ведения общегерманских дел с помощью союзного сейма дали свои плоды, направив политику нового императора по буржуазно-либеральному пути.

Лейтмотивом царствования нового короля стало стремление преобразовать Германию из союза государств в союзное государство. Германский союз, созданный Венским конгрессом, представлял собой очень слабое политическое объединение мелких немецких независимых государств и княжеств. Органом союзной власти являлся общегерманский сейм (бундестаг), собиравшийся во Франкфурте-на-Майне, куда владельцы немецких государств посылали своих уполномоченных. На сейме председательствовал австрийский посол, и влияние Меттерниха было решающим. Со временем роль Пруссии в ведении общих дел возрастала, что вело к соперничеству двух держав за лидирующую роль в сейме. Стремясь к объединению немцев вокруг Пруссии, Фридрих-Вильгельм IV часто останавливался на полумерах, которые вызывали недовольство как либеральных кругов, так и консерваторов. Он расширил права земских собраний и автономии прусских областей. Будучи в 1842 г. в Лондоне на открытии парламента, король проникся идеей парламентаризма и намеревался даровать своему народу представительный орган правления в виде Соединенного ландтага, составленного из делегатов всех областных собраний. Однако согласно Хартии 1847 г. прусский ландтаг, разделенный на две палаты, оставался лишь совещательным органом. Но даже эти вполне умеренные преобразования вызывали тревогу в Петербурге. И хотя о конституции в Пруссии еще не было и речи, Николай I не мог не порицать внутреннюю политику своего шурина: «Мой брат себя погубит», — восклицал он, как бы предвидя его печальное будущее. Не было согласия и в оценке внешнеполитических событий. Когда в 1846 г. по соглашению между Петербургом и Веной Краков был присоединен к Австрии, это произошло вопреки желанию Берлина. Нессельроде с видимым раздражением писал российскому посланнику в Берлине Мейендорфу: «Пруссаки имеют особенный талант портить самые лучшие дела»³⁸.

В период нестабильных русско-прусских отношений в 1840-х годах пост российского посланника в Берлине занимал барон Мейендорф. Он принадлежал к древнему рыцарскому роду Прибалтийского края, получил образование в Институте корпуса инженеров путей сообщения, слушал лекции по истории, философии и юриспруденции в Геттингенском университете. Начав карьеру военного с зарубежных походов русской армии в 1813—1814 гг., он продолжил ее в МИД, будучи секретарем при миссиях в Гааге и Мадриде, советником в Вене и посланником в Штутгарте³⁹. Весьма лестную характеристику Мейендорфу дал Ю. В. Чичерин в «Биографической записке», посвященной этому дипломату. Автор называет его «выдающимся русским дипломатом», выступавшим «на поприще высшей европейской политики»⁴⁰. Берлин в то время считался одним из главных центров духовной жизни всей Германии, российский посланник дружил с «корифеями берлинской науки», которые «уважали его выдающийся ум, образованность и высокий характер». Мейендорф писал стихи и внимательно следил за поэтическими новинками в Европе. Во время революции 1848 г. Петр Казимирович занял твердую позицию поддержки монархической власти в Пруссии, это высоко оценили российские власти. Широкую известность получила женитьба Мейендорфа на Софии Буоль-Шауэнштейн, сестре австрийского дипломата, ставшего впоследствии министром иностранных дел Австрии. По существовавшим в МИД правилам дипломатические представители России за рубежом не могли жениться на

³⁸ Цит. по: *Покровский М. Н.* Указ. соч., с. 9.

³⁹ *Татищев С. С.* Русская дипломатия, старая и новая. — *Русский вестник*, 1887, № 1, с. 337.

⁴⁰ Биографическая записка о бароне П. К. Мейендорфе. Составлена Ю. В. Чичериным, 1903. — ГАРФ, ф. 573. Личный фонд Мейендорфа, оп. 1, д. 490 (1821—1854), л. 3об.

иностранках, или же получали на это специальное разрешение. Это событие имело тем больший резонанс, что с 1850 г. Мейендорф был назначен послом в Вену. Неудивительно, что главным союзником России Петр Казимирович считал Австрию. На своем дипломатическом посту в Берлине барон Мейендорф внимательно отслеживал политическую ситуацию и своевременно информировал российский МИД о перипетиях политики Пруссии и других германских государств. Нессельроде высоко ценил приверженность посланника монархическим принципам и те дипломатические усилия, которые предпринимал российский представитель, чтобы предотвратить пагубные перемены во внутривосточной жизни Пруссии.

Тем не менее на повестке дня стоял вопрос о соединении немецких княжеств в единое государство. Столицей Германского союза оставался Франкфурт-на-Майне. С 1835 г. посланником при Германском союзе и при дворе Гессен-Кассельском в городе Франкфурте был назначен тайный советник П. П. Убри⁴¹. А. М. Горчаков, сменивший его в 1850 г., добивался сохранения этой политической структуры, сдерживая поползновения как Пруссии, так и Австрии занять в ней лидирующие позиции. Сильная Пруссия вызывала опасения российской правящей верхушки — в прусских общественных кругах зрели либеральные настроения, создавались политические кружки, движения университетской молодежи, выступавшей за реформы. Король Фридрих-Вильгельм IV слыл королем-романтиком, художником и ученым. Он был другом Ф.-В. Гумбольдта, Л. Ранке и П. Корнелиуса⁴². По словам автора записки о Мейендорфе, король отличался «слишком» большой разносторонностью и «колебался между самыми различными направлениями, при дворе крепла борьба партий». Судя по «Письмам из Германии», которые шли в Россию от имени российского агента Луи Шнейдера, обстановка в Берлине не могла вызвать симпатий российского правительства. «На днях был я в демократическом женском клубе, — говорится в «Письмах...», — это самое уродливое произведение сумасбродного времени. Бабы эти курят сигары, пьют баварское пиво и говорят самые нелепые речи. Не во сне ли это? Нет, наяву, в XIX веке, в Берлине»⁴³.

После известия о революции во Франции Николай I еще питал некоторые надежды на совместное выступление трех монархических держав. В марте 1848 г. он писал своему шурина в Берлин: «Нашему общему существованию грозит неминуемая опасность. Мы погибли, если допустим малейший ложный шаг. Наш первый долг единодушно отказаться на этот раз признать новый строй»⁴⁴. Однако единодушия не получилось. Европейские революции 1848 г. не обошли Берлин — с марта по ноябрь там царил смут. По словам Шнейдера, «народ одичал в революции. Все толкуют о правах, никто не говорит об обязанностях»⁴⁵. Фридрих-Вильгельм IV вынужден был обратиться к российскому императору с просьбой: «Если я буду принужден оставить Берлин ввиду общего восстания, то пойдет ли Россия на помощь Пруссии?»⁴⁶. Николай I выразил свое порицание «поведению» прусского короля, потворствующего, на его взгляд, переменам. Он писал своему шурина еще в октябре 1847 г.: «Тесного единения наших стран — больше не существует! Я остался один в своем решении

⁴¹ АВПРИ, ф. СПб ГА I-1, оп. 781, д. 266 (1835). Именные Высочайшие указы, л. 7.

⁴² Биографическая записка о бароне П. К. Мейендорфе, л. 4.

⁴³ Письма из Германии. — ГАРФ, ф. 672, оп. 1, д. 201, л. 38.

⁴⁴ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. Николай I Фридриху-Вильгельму, 7 марта (24 февраля) 1848 г. — Красный архив, т. 4—5. М., 1938, с. 169.

⁴⁵ Письма из Германии. — ГАРФ, ф. 672, оп. 1, д. 201, л. 86—86об.

⁴⁶ С. З. Император Николай I и европейские революции. — Русская старина, 1904, № 5, с. 273.

поддерживать прошлое в моей стране»⁴⁷. Со всей откровенностью высказывался российский император о своем разочаровании в переписке с И. Ф. Паскевичем: «Старой Пруссии нет, она погибла невосвратно; нынешняя ни то, ни се, что-то переходное, а будущее ужасно»⁴⁸. Называя прусского короля «фантазером» и даже «циркачом», российский император выражал свои сомнения в возможности сохранения прежнего тройственного союза, который продолжал бы свои усилия по сдерживанию революционного движения в Европе. Этот союз покидал, казалось бы, один из самых верных его приверженцев. Безусловно, политические перемены в Пруссии вызревали постепенно, однако российский император не сумел их заметить. «Предвижу королю беду и боюсь ему конца Людовика XVI», — эти слова были сказаны в сентябре 1848 г. За словесными порицаниями последовали политические санкции, каковыми можно было назвать позицию России в важном для Пруссии вопросе о Шлезвиге и Гольштейне.

С. С. Татищев относит шлезвиг-голландский вопрос к числу «самых сложных и запутанных дел европейской дипломатии»⁴⁹. Лорд Пальмерстон заметил по этому поводу по завершении Крымской войны, что суть проблемы понимали в Европе только три человека: принц Альберт, муж английской королевы Виктории, к тому времени умерший, один датский дипломат, сошедший с ума, и сам Пальмерстон, успевший к тому времени его позабыть. Эта шутка ярко демонстрирует сложность и запутанность ситуации, связанной с войной Пруссии за датские провинции.

В 1848 г. Пруссия заявила свои права на Шлезвиг и Гольштейн, населенные большей частью немцами. Обоими герцогствами управлял датский король, но в состав Дании они не входили; такой порядок обеспечивался рядом международных соглашений. Николай I заявил, что не допустит передела Европы после решений Венского конгресса, что провинции принадлежат Дании по международным договорам, нарушение которых станет *casus belli* в Европе. Николай I, стремившийся воспрепятствовать объединению Германии, грозил Пруссии войной в случае продолжения военных действий. К тому же Россию поддержала Англия, и ее флот появился в Северном море под Копенгагеном. Прусский генерал Раух, которого Мейендорф назвал «ангелом-хранителем короля перед престолом русского императора»⁵⁰, заявил Фридриху-Вильгельму IV от имени Николая I о недопустимости войны с Данией. Боявшийся войны прусский король вынужден был отозвать свои войска с Ютландского полуострова. В результате они были выведены из Ютландии и Шлезвига, а в Мальме подписано соглашение⁵¹.

Активная политика России объяснялась тем, что она решительно противилась усилению своей «союзицы», которое неизбежно последовало бы после военных побед Пруссии и установления ею контроля над Зундскими проливами. Свободная торговля России через Балтику оставалась неизменным приоритетом русской политики, и перспектива быть запертыми в Балтийском море, если проливы окажутся в руках сильной военной державы, не могла устроить российское правительство. В этом Россию поддержала Англия, в торговых интересах которой было, чтобы проливы оставались в руках мелких европейских держав. В апреле 1848 г. Нессельроде сообщал Мейендорфу позицию российского правительства: «Датский вопрос становится крайне стеснительным для нас. Не в нашем интересе допустить разгром датской монархии

⁴⁷ Цит. по: Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840—1848). — Россия и Запад. Пг., 1923, с. 126.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887, с. 68.

⁵⁰ Татищев С. С. Император Николай I и прусский двор, с. 105.

⁵¹ Патрушев А. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007, с. 238.

у наших дверей»⁵². Речь шла даже о том, чтобы Мейендорф покинул Берлин «по болезни». Соперница Пруссии по лидерским позициям в Германском союзе — Австрия, разделившись с помощью русских войск с венгерской революцией, — уже сосредоточила свои военные силы в Гессен-Касселе и была готова выступить против Пруссии. По словам М. Н. Покровского, сдавая свою армию И. Ф. Паскевичу, А. Гёргей отдавал Пруссию ее врагам⁵³. Ситуация разрешилась на Лондонской конференции, уже давно занимавшейся урегулированием вопроса о герцогствах. В июле 1850 г. уполномоченные Англии, Австрии, Дании, Франции, Пруссии, России и Швеции подписали протокол, устанавливавший, что целостность Датской монархии представляет общеевропейский интерес.

После решений, принятых на Лондонской конференции, Россия и Австрия принудили Пруссию пойти на заключение конвенции в Ольмюце (ныне — Оломоуц). При этом присутствовали князь Ф. Шварценберг — от Австрии, барон О.-Т. Мантейфель — от Пруссии, посредником выступил российский посланник в Берлине барон П. К. Мейендорф. Пруссия соглашалась более не претендовать на главенство в Германском союзе и не настаивать на его возвращении к порядку 1815 г. Это вполне отвечало интересам русской стороны. Еще раньше П. К. Мейендорф, обращаясь к прусскому премьеру Ф. В. Брандербургу, говорил, что Пруссия не имеет права встать во главе Германии, теперь же, как будто, эта угроза миновала. Российский император был склонен поддержать Австрию в борьбе за главенство в Германском союзе, но не решался сделать это открыто, предпочитая компромисс⁵⁴. Николай I стремился установить некое «равновесие» между Пруссией и Австрией, отдавая под эгиду первой земли Северной Германии, а второй предоставляя контроль над Южной ее частью⁵⁵. Ольмюцкие соглашения были болезненно встречены в Пруссии, поскольку расценивались как политическое унижение страны⁵⁶. Результаты для Пруссии были неутешительны: собрание во Франкфурте разогнано, объединение Германии, страшившее российского императора, отложено на неопределенное время, борьба за датские провинции проиграна.

Фридрих-Вильгельм IV отказался принять германскую императорскую корону: по его мнению, она не могла быть вручена ему «собранием... вроде дарованной улицей короной Луи Филиппа», в таком случае, по его мнению, она носила бы «привкус революции». «Эта корона... вовсе не корона, которую мог бы принять Гогенцоллерн, — писал Фридрих Вильгельм IV Х. К. фон Бунзену в декабре 1848 г., — корона должна носить на себе печать Божию, должна, после священного миропомазания, делать того, на кого она возложена, императором “милостью Божиею”»⁵⁷. Но корону «из грязи и глины» не может носить «король пруссаков»; это решение было принято под давлением Петербурга. Наблюдательный политик, близкий друг принца Альберта и английской королевы барон К.-Ф. фон Стокмар имел случай заметить, что «несчастьем короля и всей Германии были князь Меттерних и русский император»⁵⁸. Поистине, бойся ближних своих! Еще накануне подписания конвенции Нессельроде нелестно отзывался о прусских союзниках, называя их «грошевиками», с которыми надо торговаться, «как с евреями». «Наш добрый прусский король не перестает делать и говорить глупости», — писал канцлер в ноябре 1850 г. своему берлинскому послу⁵⁹.

⁵² Цит. по: Покровский М. Н. Указ. соч., с. 17.

⁵³ Там же, с. 21.

⁵⁴ Тейлор А. Дж. Борьба за господство в Европе. 1848—1918. М., 1958, с. 81.

⁵⁵ Renouvin P. Histoire des Relations Internationales, t. V. Paris, 1954, p. 214.

⁵⁶ Lutz H. Zwischen Habsburg und Preussen. Deutschland 1815—1866. Bewrlin, 1994, S. 389.

⁵⁷ Цит. по: Захер Я. М. Революция 1848 г. в Германии. Л., [б/д], с. 154.

⁵⁸ Цит. по: Татищев С. С. Внешняя политика..., с. 59.

⁵⁹ Цит. по: Покровский М. Н. Указ. соч., с. 9.

Попытка возрождения Священного союза, предпринятая «северными дворами» в 1830-х годах, заставила «морские державы» с напряжением ожидать их контрреволюционной активности. Эти ожидания вполне оправдались в ходе европейских революций 1848–1849 гг., но в то же время те же события ослабили единство тройственного союза, пробив в нем «прусскую брешь». Борьба за представительные органы управления, за конституцию, за объединение Германии под эгидой сильной Пруссии далеко отодвинули прусский двор от русско-австрийского альянса, направленного против развития своих стран по конституционному пути. Россия заняла позицию однозначной поддержки Австрии. Российское правительство с возмущением восприняло решение Франкфуртского национального собрания по исключению Австрии из будущей Германской империи, заявив, что «без Австрии нет Германии». Пруссия, этот, казалось бы, безропотный союзник, «ведомый» в альянсе «северных дворов», оказалась на острие политической борьбы и, будучи захвачена конституционным и объединительным движением, выпадала из тесной связки трех монархов.

В годы перед Крымской войной российским представителем в Берлине был назначен барон А. Будберг. На время его пребывания в прусской столице пришлось переговоры с прусскими министрами по поводу возможности благожелательного нейтралитета Пруссии во время урегулирования Россией восточных дел с Османской Портой. Ни министр иностранных дел Австрии, ни глава прусского правительства Мантейфель не сочли возможным согласиться с русскими предложениями. Общественное мнение Пруссии крайне враждебно относилось к политике российского императора: ему не простили ни ольмюцкого унижения, ни антилиберальных настроений по отношению к Франкфуртскому национальному собранию и идее создания единого германского государства. И хотя в марте 1854 г. Фридрих Вильгельм IV заявил, что никогда не предпримет войны против России, этого оказалось слишком мало для получения реальной поддержки той политики, которую вело петербургское правительство накануне военного кризиса.

Библиография

- Виноградов В. Н.* Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы министерства иностранных дел России, т. VI (XIV). М., 1985; т. VII (XV). М., 1992; т. XVII. М., 2005.
- Дебидур А.* Дипломатическая история Европы, т. I. М., 1947.
- Заиченко Д. В.* Образ России в Германии в первой половине XIX века (на материалах либеральной публицистики). — Россия и Германия, вып. 2. М., 2001.
- История дипломатии, т. I. М., 1947.
- Киняпина Н. С.* Мюнхенские и Берлинские конвенции 1833 г. — Научные доклады высшей школы, 1960, № 1, с. 81.
- Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000.
- Патрушев А.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007.
- Пичета В. И.* Россия и Пруссия в период польского восстания 1830–1831 гг. — Ученые записки института славяноведения, т. III. М., 1951.
- Тейлор А. Дж.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1858.
- Bertier de Sauvigny G.* Metternich. Staatsmann und diplomat im Zeitalter der Restauration. München, 1996, S. 466.
- Lutz H.* Zwischen Habsburg und Preussen. Deutschland 1815–1866. Bewrlin, 1994, S. 389.
- Renouvin P.* Histoire des Relations Internationales, t. V. Paris, 1954, p. 214.

References

- Debidur A.* Diplomaticheskaya istoriya Yevropy, t. I. Moskva, 1947.
- Istoriya diplomatii, t. I. Moskva, 1947.

Kinyapina N. S. Myunkhengretskiye i Berlinskiye konventsii 1833 g. — Nauchnyye doklady vysshey shkoly, 1960, № 1, s. 81.

Liven D. Aristokratiya v Yevrope. 1815——. Sankt-Peterburg, 2000.

Lutz H. Zwischen Habsburg und Prussen. Deutschland 1815—1866. Bewrlin, 1994.

Patrushev A. Germanskaya istoriya: cherez ternii dvukh tysyacheletiy. Moskva, 2007.

Picheta V. I. Rossiya i Prussiya v period pol'skogo vosstaniya 1830—1831 gg. — Uchenyye zapiski instituta slavyanovedeniya, t. III. Moskva, 1951.

Renouvin P. Histoire des Relations Internationales, t. V. Paris, 1954.

Taylor A. Dzh. Bor'ba za gospodstvo v Yevrope. 1848—1918. Moskva, 1858.

Vinogradov V. N. Velikobritaniya i Balkany: ot Venskogo kongressa do Krymskoy voyny. Moskva, 1985.

Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty ministerstva inostrannykh del Rossii, t. VI (XIV). Moskva, 1985; t. VII (XV). Moskva, 1992; t. XVII. Moskva, 2005.

Zaichenko D. V. Obraz Rossii v Germanii v pervoy polovine XIX veka (na materialakh liberal'noy publitsistiki). — Rossiya i Germaniya, vyp. 2. Moskva, 2001.